

«МЯГКАЯ СИЛА» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ярмак Юрий Васильевич,

Московский городской педагогический университет,
кафедра массовых коммуникаций,
доктор политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: y.yarmak@mail.ru

Аннотация

В статье проводится мысль о том, что идея «мягкой силы» и различные способы ее применения мы можем обнаружить уже в ранних государствах. В частности, показывается, что «мягкая сила», «мягкая власть» применялась как на международном уровне, так и внутри государств уже в древних Египте, Шумере, Вавилоне, Карфагене. В статье делается вывод, что подобный исторический экскурс актуален для современных исследований «мягкой силы» в коммуникативном пространстве государственного управления.

Ключевые слова:

мягкая сила, государственное управление, мир политических отношений, ранние государства, управленческие полномочия.

Интерес к силе у людей существует давно. В ней они находят объяснение огромного количества явлений и загадок, множества оттенков взаимодействия между частями материального и нематериального мира. Силу как феномен изучают, объясняют, постигая ее смысл, находя ее источники. Во многом это происходит не ради любопытства, а ради ее использования для управления.

Как известно, именно благодаря силе в ее различных формах осуществляется управление механизмами, электрическим полями, биологическими и социальными системами. И с того времени, как социально-гуманитарные науки стали пристально изучать историю человечества, все более рельефно проступают контуры, становятся понятными законы действия сил, которые играют главную роль в осуществлении общественного властного управления.

Оказалось, что силы власти в управлении социумом – от простейших групп до мега-

комплексов – имеют чрезвычайно широкий диапазон своего проявления, среди которых роль «мягкой силы» отнюдь не самая последняя, а в ряде случаев – наипервейшая.

Вместе с тем мир политических отношений не оригинален, и абсолютизировать сегодня роль Дж. Найя в открытии феномена «мягкой власти», «гибкой силы», как минимум, не совсем правильно. Другое дело, что современное появление такого термина в определенных атрибутивных показателях его связей с реальными политическими процессами нами может быть принято именно в связи с идеями Дж. Найя.

Признавая это, мы можем обнаружить существование и разнообразное применение «мягкой силы» и власти уже в ранних государствах. Можно сказать, что там, где функционировали хоть какие-то интеллектуальные потенциалы у носителей официальной власти, «мягкая сила», «мягкая власть» применялась властителями в интересах реализации

их управленческих полномочий. Более того, и на международном уровне «гибкая сила», «мягкая власть» достаточно активно применялись: через скрытые дипломатические каналы, экономические санкции, запретные (цензовые) механизмы, различные виды подкупа или шантажа. А на виду, в сфере официальных отношений, это могло выглядеть логичным ходом событий или оправдываться какими-то ясными причинами.

Коснувшись истории вопроса с точки зрения внутренней власти и управления, нетрудно увидеть, что в древнем мире роль «гибкой», «мягкой силы» выполняли колдуны и шаманы, культы, традиции и обычаи, а позже – религиозные постулаты и идеологии.

Древний Египет

С развитием в этой стране идей управления в условиях ранней государственности, децентрализованного и централизованного государства активную роль играли политико-религиозные центры, египетская знать (чиновники), жрецы со своими особенностями скрытного поведения и влияния. А чего стоят Поучения периода правления Гераклеопольского царского дома (XXI в. до н. э.) – столицы Египта! В них описываются не только открытые, но и скрытые формы управления при реализации власти и влияния, наказания и поощрения, мотивации и стимулирования поведения людских масс. Чем, если не прототипом «мягкой власти», были рекомендации данного документа производить красивые и убедительные речи, которыми правитель должен был влиять на подданных, выстраивать дифференцированные отношения с разными социальными группами: вельможами, представителями армии, простыми людьми? Фундаментальной, безусловно, оставалась главная цель управления того времени – формирование безукоризненного поклонения царю-Богу (фараону). И на это работал институт жрецов, система сакральных знаний писцов. Недаром такие древние источники, как «Призвание писцов выше всех других» или

«Все призвания хуже профессии писца» свидетельствуют о скрытой, но весьма серьезной роли указанных представителей в реализации «мягкой власти» в обществе.

Древняя страна Шумер

Интересно, что наиболее распространенная точка зрения среди шумерологов по поводу того, откуда шумеры появились в Месопотамии и благодаря чему, продвигаясь в ее глубь, создавали города, завоевывали местное население, выглядит как предположение об умелом сочетании силовых и несиловых средств и методов. Пришлый народ, с одной стороны, подчинял себе местное население, воспринимая многие достижения местной культуры, а с другой – обогащая и развивая ее. Но в конечном счете в последующем мир узнал именно о шумерском большом и могущественном государстве, а не о мелких его частях. Именно шумерскому государству в виде городских поселений приписывают существование советов старейшин, народных собраний, зарождение законодательной системы и другие атрибуты цивилизации.

И еще один момент. Как в Шумере, так и в Аккаде, и в Эламе – царствах с тесно переплетенными во времени культурами управления (примерно двухтысячелетняя история), – кто бы ни приходил к верховной власти, обязательно начинал это властвование с посещения и поклонения в главных храмах Бога. То есть «мягкая сила» религии уже тогда формировалась как тотальная форма управленческого участия при реализации власти, и в последующем продолжала стабильно играть в этом существенную роль.

К слову, религия сама по себе является властью, не простой, а духовной, что значительно сильнее многих других ее видов. Религиозные идеи, ценности, ритуалы и таинства тысячелетия сопровождают жизнь человечества, а для множества людей являлись и являются неоспоримой «мягкой властью», от которой трудно избавиться. Миссионеры от разных религий, как известно, часто были первыми в движении, которое происходило сначала робко и мягко,

а позже порой агрессивно, с широким фронтом захвата и покорения народов и территорий, охватывало другой язык, другую культуру и проникало в иную социально-политическую среду. Вслед за этим происходило изменение или подавление последних.

Вавилония (Вавилон)

(южная часть Месопотамии, от начала II тысячелетия до 538 г. до н. э.).

Царство прошло четыре исторических этапа. Представляло тетраполию (тетрархию), что требовало поиска и нахождения компромиссов (форм мягкого взаимодействия) для существования политического союза четырех городов, четырех стран. Это было нечто вроде конфедерации, где неагрессивная форма отношений давала возможность власти переходить от одного города к другому. Возвысившийся город как бы становился гегемоном над другими городами с соответствующими тому привилегиями.

Одной из особенностей проявления «мягкой силы» в этом царстве было ее законодательное оформление. При Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) сложилось централизованное рабовладельческое монархическое государство с жестко организованной системой управления во всех уголках его территории. Но сам Хаммурапи стремился обеспечить своим подданным жизнь в безопасности под защитой прежде всего законов. Для этого существовал их некий свод – 282 статьи в трех разделах. В основе этого исторического документа (он появился раньше дигестов Юстиниана – 533 г. н.э.) лежали еще более древние идеи о законодательстве (Шумер, Аккада). Они в большей мере представляли собой правила поведения для разных категорий населения Вавилонии, включая царских служащих, судей, воинов, свободных общинников и рабов.

Моральные нормы, представленные в законах, формировались не одно столетие и определялись как сдерживающие начала, основы общественной морали древнего общества. Интересно, что отмеченные в законах методы

управления и инструменты, помимо административных и экономических, предусматривали социально-психологические методы, а именно воспитательные. На них делался усиленный акцент, особенно в отношении семьи, в них излагались требования к женщине и детям, к служителям культа и т. д. То есть система управления в древнем обществе предполагала использование «мягкой силы» воспитанных привычек поведения, применение этических рамок, сформированных властью Закона.

Позже, в период нововавилонской династии Набуаплицура, система «гибкой власти» («мягкой силы») управления проявилась в виде такого новшества, как брачные союзы родственников царских семей различных государств. Это влияло на решение вопросов в области управления внешнеэкономическими связями, во многом определяло мирное сосуществование с другими государствами, возможность влияния на их внутренний расцвет и развитие.

В целом, говоря об историческом развитии и особенностях социально-политической жизни Вавилона, по мнению известного исследователя В. А. Белявского, это царство не только не было восточной деспотией, но даже не являлось в полном смысле слова монархией. Скорее его можно назвать аристократической республикой с ежегодно избираемым царем-магистратом [Белявский, с. 35].

Знаменитый исход евреев из Египта
(середина II тысячелетия до н. э.)

Этот исторический период развития восточных цивилизаций дает немало количество примеров умелого использования «мягких механизмов» управления, воздействия на разрозненные еврейские племена с целью их организации в нечто единое и жизнеспособное. Сама идея Моисея образовать кочевое государство базировалась на осознании необходимости в условиях постоянных угроз сохранить еврейский народ. И для этого был использован сотнями лет испытанный способ религиозного объединения: провозглашение необходимости

выполнить прямое указание Бога. Что народ принял и во что поверил. Кроме того, серьезную роль сыграли мягкие формы сохранения семейных традиций воспитания с надежным механизмом: женщины – дети – воспитание в иудаизме – свобода – прямое обращение к Богу – община [Сатановский, с. 74]. Все остальное требовало высокого уровня организации управления, основанного на инстинкте самосохранения и интеллекте: перепись еврейского населения; определение структуры «движущегося государства»; обеспечение какого-то порядка при его мобильности и др.

В последующем такие личности, как Навин, пророк Самуил, правители Давид и Соломон не снижали уровень своего воздействия на кочевников посредством убеждения их в необходимости выполнять божественные пророчества. И от имени Бога первым помазанником на царствование в израильско-иудейском государстве стал Саул. А при существовании высокого авторитета, на котором может быть основана вера в реальную власть, мягкие формы ее использования диверсифицировали возможности управления, сглаживали протестный потенциал, который мог проявиться в самом неожиданном виде. Это позволяло не доводить до состояния сомнений авторитет Саула, его «представительство» как избранника Бога.

Хазария (Хазарский каганат)

Что касается мягкого влияния политической и религиозной силы, то следует упомянуть историю с хазарами, чье участие в становлении и развитии русской государственности нельзя исключать. Хазария (Хазарский каганат) в течение короткого периода времени была, как считают исследователи, региональной державой. Она успешно балансировала между непрерывно воевавшими друг с другом Византией и Халифатом. Ни христианство, ни ислам ей не подходили, так как permanently приходилось бы воевать с одной стороной и выплачивать дань другой. При отсутствии монорелигиозной социальной среды (здесь было исповедание иудаизма, мусульманства,

христианства) произошло «рождение» пророка Божьего Моисея со всеми прилагательными этому явлению атрибутами: чудесами, знаменьями, личными беседами с Богом и политической поддержкой. То есть поиск гибкого решения привел к соломонову выбору: признать Единого Бога, но не из тех, кому поклонялись стороны, а самому-самому... Это не противоречило ни христианским, ни исламским догматам и обеспечивало определенное военно-политическое спокойствие, что позволяло разумно выстраивать управление с эффективной системой разделения властей. Прагматический баланс веротерпимости позволял властям исповедовать иудаизм, никого к нему не принуждая. Объединение тюркских племен, славян и кавказских народов считается первым государством с настоящей экономикой на территории средневековой (часто называемой древней) Руси.

Открытая сила и тем более единоличная деспотия – чрезвычайно опасный и практически всегда менее продуктивный способ управления в государстве, нежели управление посредством хорошо организованного и мягко действующего авторитетного коллективного разума. Но этот идеал может считаться только теоретическим взглядом. В реальности история свидетельствует, что государства и их население испытывали на себе как крайне жесткие или весьма мягкие, так и сложно сочетаемые между собой эти две формы управления. Именно безальтернативная предрасположенность к доверию и привлечению во властное управление круга способных к здравому смыслу людей или, наоборот, предпочтение жестких бескомпромиссных форм управления во все времена истории порождали синусоидальные изменения в конфигурации власти: от диктатуры к коллегиям и советам, и обратно.

Город-государство Карфаген

Такие переходы и влияния можно увидеть в истории управления Карфагеном, который за свои две с лишним тысячи лет (825 г. до н. э. – начало III в.) переживал как статус властелина

западного побережья Средиземного моря, так и участь беспощадно уничтожаемого центра тогдашней цивилизации. После кончины выдающейся главы государства Дидонны-Элиссы власть принадлежала Совету десяти, одновременно с которым функционировал Совет старейшин, затем военному диктатору Малху. Позже определять процессы жизни (экономика, законы, развитие искусств и т. п.) стала олигархия Магонидов. В этот период возникают некие подобия партий, появляется прототип «республиканского» управления. Совет десяти преобразуется в Совет тридцати, а Совет старейшин, расширяясь в составе, доходит до 300 человек. В исполнительной и судебной власти появляется верховная инстанция – коллегия в составе магистров-суфжетов, которые ежегодно сменялись выборным порядком. Они исполняли обязанности безвозмездно и представляли обеспеченные (богатые, известные) социальные группы. Их деятельность была подконтрольна Совету, в который входили более 100 членов. Уже при Ганнибале сменяемость членов этого Совета стала ежегодной. Такой же ежегодной избирательной процедуре подвергался и Совет старейшин, ограничивавший полномочия магистров-суфжетов. Осуществлялись и другие меры по привлечению к управлению обществом возможно большего количества достойных граждан: проводились выборы из представителей городских цехов и объединений грамотных и честных людей для создания комиссий по переоценке состояния тех, чьи хозяйства подлежали налогообложению. Условно говоря, такого рода социально-исторические процессы задолго до современных цивилизаций готовили «живительный бульон» для господства здравого смысла: «мягкая власть» продуктивнее жесткой властной силы.

Все это многообразие «мягкой власти» (помимо существования совершенно конкретных и жестких правил и мер) способствовало экономическому развитию Карфагена и постепенному расширению его влияния на других территориях. Несомненными механизмами в этом влиянии были как торговля, миссионерская деятельность, так и договорная диплома-

тия с аналогичными городами-образованиями, что существенно дополняло хорошее военно-стратегическое состояние Карфагена как сильной державы.

Некоторые исследователи, описывая организацию управления этого государства, считают, что она напоминает своеобразную окружность, некое подобие круглого стола с точки зрения процесса осуществления управления. Предположительно можно считать, что это свидетельствует о стремлении к проведению демократических принципов власти, говоря современным языком, посредством сдержек и противовесов, подконтрольности, коллегиальности, выборности и исполнения власти на общественных началах [Макашов, Овчинникова, с. 98].

Мидийское царство (ок. 670–550 гг. до н. э.), Лидийское царство

Некие схожести в использовании «мягкой силы» при управлении существовали в недолгом веке Мидийского царства, когда царствующей особой был Денок. Его непререкаемый авторитет основывался не на абсолютной личной власти, а на социально-психологических подходах. В управлении и государством, и разноплеменными народами нормы права уступали перед приоритетом норм морали и этики. Об этом можно говорить и при рассмотрении Лидийского царства (VIII в. до н. э.), в котором на позднем этапе его развития, как считают специалисты, в рамках одной из древнейших общин зародилась христианская религия с ее принципами высокой морали. Видимо, такие принципы обладали не только собственными притягательными свойствами, но и умело приносились на страждущую почву социальных ожиданий справедливого и гуманного управления.

Считается, что эти принципы были положены в поведенческую практику человека, формировали морально-этическую систему для возникновения приверженности и даже преданности людей каким-то идеям. В свою очередь, идеи формировали некие идеологе-

мы и идеологические системы, которые, как мы знаем, в последующем становились непременным атрибутом стратегии управления на государственном уровне.

Из сказанного следует, что за несколько тысячелетий до н. э. и ближе к нашему времени в практику мягкого социального воздействия и осуществления власти были привнесены не только религиозные формы, но и морально-этические нормы социально-психологического и воспитательного влияния, использовались авторитет и механизмы поиска компромиссных решений в спорных вопросах. Нередко при этом делался выбор в управленческих решениях с отклонением жестко бескомпромиссных шагов и позиций. При всей достаточной жесткости и даже агрессивности социально-политического управления, социально-политического и культурного обустройства в прежние эпохи такие мягкие формы очень часто действовали совместно с жесткими и составляли некий конгломерат системного характера.

Таким образом, прототипы «мягкой силы», мягкого влияния и управления имеют большую родословную, уходящую вглубь веков. Цивилизации несли в себе потенциал идей, подталкивавших правителей думать о справедливом правлении, а подданных – надеяться на справедливость, а значит, мудрость в том же правлении. В данном контексте понятие мудрости коррелирует с понятием справедливости и мягкости. Но социум разнолик и типы его представителей по-разному относятся к власти, движению к ней, удержанию и использованию ее инструментов. Это же относится к народам и государствам. Поэтому движение к сегодняшним представлениям о выборе «мягкой силы» для управления и влияния, осуществления власти и формирования отношений взамен жестких силовых форм – это естественный и долгий процесс плохо обучаемого человечества и его властителей. За шагом вперед практически всегда следует отступление назад. При этом целью и триумфом, но одновременно и платой за такие движения была приобретае-

мая субъектами управления или исчезающая из их рук власть.

Такое «челночное», поступательное или откатное движение по-прежнему оставляет открытым вопрос об общих тенденциях в выборе форм применения «мягкой силы». К демократическим формам управления или авторитарным и жестким склоняется человечество, отдельные страны и общества, те или иные представители власти в государствах – вопросы по-прежнему животрепещущие. А из исторического опыта следует, что мы, во-первых, отнюдь не оригинальны в попытках осознать необходимость делать правильный выбор. Во-вторых, просто не учимся на опыте наших предков (или не хотим это делать, когда игнорируем здравый смысл и разумную гибкость в угоду «железобетонным» фактам и ортодоксиям).

В этом смысле Дж. Най с его теорией может считаться признанным авторитетом современности. Причем, на мой взгляд, самым ценным из всего массива примеров и данных, которые Дж. Най использует в доказательствах своей теории, является то, что он заставляет повернуться нас лицом к скрытым ресурсам влияния государственного авторитета на свою социальную систему и другие государства, разобраться в правильности или порочности их использования, акцентирует вопрос на межкультурном взаимодействии.

Думаю, исторический экскурс в практику использования мягкой силы и власти в управлении нам не только не помешает, но может стать подспорьем в современном научном исследовании актуальных проблем в этой области.

-
1. Белявский В. А. Тайны Вавилона. – М.: Вече, 2001.
 2. Макашов И. Н., Овчинников Н. В. Всемирная история управленческой мысли. – М.: РГГУ, 2007.
 3. Сатановский Е. Моя жизнь среди евреев: Записки бывшего подпольщика. – М.: Эксмо, 2013.
 4. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: Гардарики, 2005 (2-е изд. – М., Канон+, 2009).
 5. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПб ГУП, 2011.
 6. Чистякова К. А. Вклад Н. А. Витке в развитие управленческой мысли. – М.: Спутник+, 2006.

-
1. Belyavskij V. A. Tajny Vavilona. – М.: Veche, 2001.

2. Makashov I.N., Ovchinnikov N.V. Vsemirnaya istoriya upravlencheskoj mysli. – M.: RGGU, 2007.
3. Satanovskij E. Moya zhizn' sredi evreev: Zapiski byvshego podpol'shika. – M.: E'ksmo, 2013.
4. Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. – M.: Gardariki, 2005 (2-e izd. – M., Kanon+, 2009).
5. Stepin V.S. Civilizaciya i kul'tura. – SPb.: SPb GUP, 2011.
6. Chistyakova K.A. Vklad N.A. Vitke v razvitie upravlencheskoj mysli. – M.: Sputnik+, 2006.

«SOFT POWER» IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF PUBLIC ADMINISTRATION: ON THE HISTORY OF THE PROBLEM

Yarmak Yuri Vasilievich,

Moscow City Pedagogical University,
Department of Mass Communication,
doctor of political sciences, professor,
Moscow, Russia,
E-mail: y.yarmak@mail.ru

Annotation

This article argues that the idea of soft power and different means of its implementation can be traced back to early states. In particular, it is shown that soft power was used both at the international and national levels in ancient Egypt, Sumer, Babylon, and Carthage. It is concluded that such historical excursions are relevant to modern research on soft power in the communicative space of public administration.

Key words:

soft power, public administration, world of political decisions, early states, administrative authority.